

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ДЕНИСОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Центра международных отношений, Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург)
samariten1@mail.ru

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗАПОРОЖЦЕВ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Статья посвящена особенностям изображения запорожских козаков¹ в русской литературе и публицистике до Гоголя, причине, по которой это происходило, их противоречивой характеристике в ранней гоголевской прозе.

Ключевые слова: раннее творчество Гоголя, запорожские козаки, история Малороссии

В украинском фольклоре запорожец – только положительный герой, легко берущий верх над врагами, демоническими силами и самой смертью. Обычно вертепное «представление оканчивалось дракою Запорожца со Смертью, побиением и бегством последней, уничтожением черта пред Запорожцем...» [13; XVI–XVII]. Но как объяснить некую «двойственность» обрисовки запорожцев в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н. В. Гоголя? В повести «Пропавшая грамота» выясняется, что удалец-запорожец, не уступающий ни в чем козаку, посланцу гетмана, когда-то продал душу черту, – потому и козак вынужден иметь дело с нечистой силой. В повести «Ночь перед Рождеством» бывший запорожец Пузатый Пацюк (Крыса) ленив и прожорлив, словно животное, и, «как настоящий запорожец, ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру», кроме того, он был «знахарь» и, считалось, «немного сродни черту» [6; 222–223]; в Петербурге запорожцы и просты, наивны как дети, и грубы, надменны, невежественно-жестокости. Такая двойственность, на наш взгляд, объясняется особенностями характеристики украинского козачества в отечественной литературе и историографии того времени.

С последней четверти XVIII века запорожские козаки, как правило, изображались «изменниками» и «разбойниками» – в отличие от всего козачества. На это были причины. В 1708 году после измены гетмана Мазепы часть запорожцев влилась в его войско и сражалась с армией Петра I, а затем ушла в днепровские низовья под руку Крымского хана. Поэтому Старая Сечь в 1709 году была разрушена регулярными войсками, запорожцы объявлены врагами России, а если кого-то из них ловили, его ждала виселица. Так было до 1733 года, когда запорожцы отказались помочь полякам воевать против России, поэтому в 1734 году, после официального помилования, им разрешили вернуться к охране рос-

сийских границ. Под Никоподем они основали Новую Сечь и превратили ее в центр антифеодального движения. А когда она была разорена после разгрома пугачевщины в 1775 году, часть запорожцев ушла в Турцию и основала Сечь Задунайскую, то есть вновь, с точки зрения русского государства, переметнулась к врагу. Считать запорожцев изменниками перестали, когда войско «задунайцев» во главе с кошевым Осипом Гладким к началу русско-турецкой войны в 1828 году перешло на сторону русских, повернув оружие против турок. Такую перемену отношений к запорожцам и Сечи на рубеже 30-х годов отразили стихи Н. Маркевича, а также подбор народных песен и дум в сборниках И. Срезневского и М. Максимовича [12], [13], [18] наряду с традиционной демонизацией запорожцев, которой отчасти отдал дань в «Вечерах» и Н. В. Гоголь.

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОЗАКОВ, ИХ ЕДИНСТВЕ С ЗАПОРОЖЦАМИ

В «Краткой летописи Малой России с 1506 по 1776 год...» (1777) говорилось, что «поляки, владеющие Киевом и Малою Россиею», хотели «в работе и подданстве людей малороссийских украинских содержать, которые, не приобикши жить в невольничьей службе, избрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов Днепровых, на жилье, где в диких полях, упражняясь в звериных и рыбных ловлях, при том Бусурман, на море разбиваючи, укрощали, называясь Козаками от древних Козаров, рода славено-российского, при Кагане еще служивших в походах на Грецию» [10; 4–5]. То есть, по «Летописи...», козаками стали украинцы, ушедшие от польской «неволи» за пороги Днепра, «в дикие поля» (степи), они же «разбивали бусурманов» на море. Упомянуты их исторические связи с хазарами и Хазарским каганатом, в начале X века занимавшим часть Северного Кавказа, Крыма, Приазовья и Приднепровья. Здесь малороссийские козаки ничем

не различаются между собой: у них общее «древнее имя» и происхождение, одни и те же занятия. И далее многие отечественные историки также представляли козаков основой всего народа, не отделяя запорожцев, в отличие от западноевропейских авторов. Так, историк и дипломат Ж.-Б. Шерер в обзорно-компилятивной «Летописи Малой России» (1788) восхищался тем, как запорожцы долгое время спасали и себя, и Европу от «наступления полумесяца», и прославлял спартанское воспитание «граждан республики» (Сечи), их постоянную готовность к бою, как у римлян, и то, что они всегда отважно защищали свой край и не зарились на чужие земли [19; 4].

В «Записках о Малороссии, ее жителях и произведениях» (1798) Я. Маркович сообщал: «...происхождение Козаков есть нерешимая в истории задача. Некоторые производят их от Козар и Косоогов, обитавших в древние времена при Днепре, или от какого-то вождя, Козаком именуемого... а по другому название сие произошло от того, что несколько поляков и малороссиян поселились на Днепровской косе, где они занимались ловлею диких коз... Может быть, всех вероятнее следующее мнение, что в начале XVI века некто из малороссиян по прозванию *Дашкевич*, видя частые от Крымских татар набеги, уговорил многих единоплеменников своих для отогнания неприятеля сего от своих пределов. Сие имело счастливый успех; и победители назвались тогда Козаками...» [14; 38]. Позднее авторы давали одну из вышеприведенных версий. Так, И. Г. Кулжинский в книге «Малороссийская деревня» (1827) упоминал то «время, когда козаки, основав из себя народ независимый и гордый, долго оставались предметом соблазна для честолюбия и спокойствия своих соседей. О происхождении сих могучих сынов брани и раздора можно то же сказать, что говорится о происхождении римлян. Шайка молодых людей, недовольных собою и, может быть, собственным сердцем, удалилась от взоров людей в обширные степи и, основавши там свое общество, страшными воинскими криками дала знать людям о своем существовании» [11; 104].

Иную версию выдвинул Н. М. Карамзин. В V томе «Истории государства Российского» (1813) происхождение козаков возводилось к племенам «Торков и Берендеев», обитавших с дохристианских времен «на берегах Днепра, ниже Киева» (где потом жили козаки). Те «назывались *Черкасами*: Козаки также». Это и другие доказательства позволяли автору сделать вывод, что «Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними,

и под именем *Козаков* составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, снискали... покровительство» Польши; а запорожцы всегда «были частию Малороссийских козаков» [9; 215–216]. Итак, по Карамзину, козаки произошли от неких полуазиатских разбойничьих племен, обитавших в Древней Руси близ Киева, принявших православие, почти русских, потом совсем с ними «смешавшихся». Затем они образовали христианскую республику в «опустошенных татарами местах», защищали Литву и Польшу, за что польские короли создали их войско, даровали привилегии. А запорожцы были теми же козаками, но холостыми, более жестокими, не знавшими иных занятий, «кроме войны и грабежа». Это обнажает идеологическую задачу автора: показать козаков не совсем русскими, не вовсе разбойниками, в их массе «растворив» запорожцев. И тогда «азиатское варварство» козаков можно объяснить просто «разбойничьей» кровью!

РАСПОЛОЖЕНИЕ СЕЧИ

Военный инженер Гийом де Боплан даже не подозревал, что Сеча существовала на острове Хортице, ибо тот «очень высок, почти со всех сторон окружен утесами, следовательно, без удобных пристаней... не подвержен наводнениям и покрыт дубовым лесом», но переводчик считал нужным исправить эту «ошибку» и дополнил: «Там древние Руссы, переплыв благополучно пороги и отразив неприятелей, принесли жертвы; там в начале XVI века запорожцы имели Сечь, оставили ее, в 1620 году возобновили и вскоре вновь покинули» [3; 24–25, 150–151]. По Карамзину, Сечь – это «земляная крепость ниже Днепровских порогов», которая «служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых Козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа» [9; 216]. Д. Н. Бантыш-Каменский в «Истории Малой России» (1830) изобразил ее как «главное укрепленное место», беспорядочно застроенное «деревянными избами и мазанками. Земляная насыпь, с расставленными на оной в некоторых местах пушками, окружала жилище их, разделенное на 38 куреней» [1; 61]. В историческом романе «Дмитрий Самозванец» (1830) Ф. В. Булгарин, добавив к тем же сведениям польские источники, указывал местоположение Сечи ниже «13 порогов» Днепра – там, где «речка Бузулук... образует два острова. Обширное пространство выше меньшего острова обнесено было вокруг

шанцами, батареями и палисадами, которые прикрывались деревьями и кустарниками. Внутри укрепления построены были мазанки, небольшие домики из тростника, обмазанные внутри и снаружи глиною, с камышовыми крышами; от 20 до 50 таких хижин, вокруг большого дома, вмещали в себе особую дружину и назывались куренем, под начальством Куренного атамана. Эти курени, числом до 30, расположены были отдельно, но без всякого порядка. Посреди Сечи возвышалась церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная крестом <...> Вокруг церкви была площадь, а напротив большой длинный дом, в виде сарая. Это было жилище Кошевого атамана и хранилище войсковых сокровищ. Перед куренями находились открытые кухни, несколько камней, между которыми пылал огонь» [4; 227].

Общие сведения о Сечи были также приведены М. Максимовичем в сборнике украинских народных песен (1834): «Сечью называлось укрепление... где находился главный запорожский табор или *кош*, по имени коего и начальник Сечи назывался *Кошевым атаманом* или просто *Кошевым*. Первая (*старая* или *великая*) Сечь была на днепровском острове Хортице или Хортище... Сечь делилась на части, называемые **куреньями**, управляемые *Куренными атаманами*. Эти *курени*... состояли из землянок, мазанок и шалашей» [12; 4].

В 1-й редакции повести Гоголя «Тарас Бульба» (1835) семейная «троица» – отец и два сына Бульбы – едет по украинской степи в «школу» христианского братства Сечи. Всего в отряде 13 человек, и евангельские аллюзии, придающие героям некое сходство с апостолами – провозвестниками и ревнителями Веры (среди них изменник, Иуда), позволяют усомниться в прочности семейного союза. Расстояние между степью и островом, «где была тогда Сеча, так часто переменявшая свое жилище», указывает на свободное, «морское» пространство: его козаки *долго* преодолевают, спешившись (II; 298)². Такое непонятное уподобление «степного» и «речного» «морскому» здесь можно принять за гиперболу. Но смысл его иной: далее Сечь оказывается в «устье Днепра» (где была турецкая крепость Очаков), куда приплыли тем же летом после морского набега козаки и где «сидел... на берегу» Тарас, а «перед ним... расстилалось Черное море» (II; 334). Ср.: в повести В. Нарезного «Запорожец» (1824) козацкая столица была «недалеко от берегов Днепра, где вливаются воды его в Черное море», и потому запорожцы назывались «черноморцами» [16; 138].

На наш взгляд, дело не столько в действительном расположении Сечи или в его изменении, сколько в том, что Старая Сечь, разрушенная в 1709 году, и Новая Сечь 1734–1775 годов таким образом сближаются с черноморским ко-

зацким войском, которое князь Г. А. Потемкин образовал из бывших запорожцев в 1787 году, то есть гоголевское изображение Сечи включает *предел* ее развития. И если Нарезный приравнивал «Черноморскую Сечь» к Задунайской, где жили бежавшие в Турцию запорожцы, и представил их разбойниками-«черноморцами», то в гоголевской повести Запорожская Сечь на Хортице едина с «Черноморской» в устье Днепра, морские походы на Царьград делают запорожцев наследниками Древней Руси и самой Византии [7; 130], и таким образом козацкая державо-вольница должна противостоять «отуреченной» Сечи в устье Дуная.

КАК ЖИЛИ ЗАПОРОЖЦЫ В СЕЧИ

Их общие собрания В. Измайлов показал в руссоистском плане: «Советы... под именем Рады были самые торжественные и примечательные. Все Запорожцы собирались на открытом поле, чтобы судить единогласно о внутренних и внешних делах своих, придумывать лучшие средства и трудиться общим умом над решением важных вопросов о благосостоянии общества...» [8; 16]. Славянско-вечевую основу Сечи подчеркивал и М. Максимович: «Все старшины выбирались на *Раде*... (мирской сходке, вече). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у куреней были свои частные Рады» [12; 4].

Описание Сечи, похожее на гоголевское, есть в поэме «Богдан Хмельницкий» (1833). Ее анонимный автор, безусловно, знавший официальные труды о Малороссии наряду с «Историей Русов», живописал Сечу в том же «природно-республиканском» духе, противопоставляя польскому рабству на Украине *братскую* жизнь на просторе, природную *стихию* вольности и удалства запорожцев:

Там каждый житель молодец:
Переселенец иль беглец.
Там козаки не знали рабства
Еще дотоль; и Кошевой
Был только в битвах их главой,
В дни мира – жил по праву братства.
<...>
И битвы шли своей чредой.
Как при *Дашковиче*, и ныне,
Козак был страшною грозой
Странам соседним и чужбине:
Стамбул, Очаков, Варна, Крым
Пред Запорожцами дрожали,
Когда они мушкетный дым
С свинцом им в гости посылали [2; 6–63].

В поэме описано, как на Раде избирали нового Кошевого – при непременно участии старого Кошевого с палицей, судьи с печатью и писаря с чернильницей. Избранного Кошевого козаки несли на руках. После того как он

...принял палицу... Землею
Осыпана глава его,
В святое знаменье того,
Что стал он всей страны главою;
А может быть, чтоб не забыл,
Что он, как все, добыча тленья,
И чтоб других за преступленья
Как самого себя судил [2; 77].

Кошевой сразу призвал козаков выступить под предводительством Хмельницкого на борьбу с поляками, после чего передал ему власть Атамана. Запорожцы составили основу войска Хмельницкого, и лишь затем на его сторону перешло все малороссийское козачество. Таким образом, Сечь, ее устройство и обычаи как бы порождают победную народно-освободительную войну 1648–1654 годов (хмельнитчину).

В отличие от поэмы официозная «История Малой России» попрекала запорожцев, что они «не заботились, подобно малороссийским козакам, исхитить из рук иноверного народа землю Русскую, потому что земля сия сделалась чуждою для сердец, ожесточенных грабежами и убийствами. И могли ли пришлецы, составлявшие их братство, люди различных с ними языков и исповеданий, упоенные распутством и безначалием и скрывавшие под притворною набожностью гнусное отвращение к православию, — иметь какую любовь к стране, в которой процветало благочестие с отдаленных времен? Холодная, праздная и беспечная жизнь, пьянство и необузданная вольность были отличительные черты характера сего буйного и грубого народа. Скотоводство, звериная и рыбная ловля, воровство, разбой и измена составляли их главные упражнения», хотя они «со всеми пороками своими отличались примерно храбростию <...> запорожец, сохраняя первобытную суровость и бесчувственность своих предков, не дорожил в битвах жизнью, к которой не имел никакой привязанности. Странно, что сей дикий и свирепый народ, в ущелинах и порогах живший, любил... невинные увеселения. Запорожец играл на бандуре, припевая песни», подобные «жестокости его нраву» [1; 62–63].

Все отмеченные выше разнородные «стихийные» начала Сечи литература того времени обычно истолковывала в романтическом плане чудовищных противоречий. Так, в повести В. Т. Нарезного «Запорожец» (1824) козацкая столица — это «одно место в юго-восточном краю Европы, где может найти верное убежище всякий, такого ищущий. Это место называется *Запорожская Сечь* и лежит недалеко от берегов Днепра, где вливаются воды его в Черное море. Первоначально поселились там разного звания малороссияне, не находившие в отчизне своей ни крова, ни пищи. Чтобы предохранить себя от ссор, непорядков и раздоров, могущих небольшую респу-

блику сию ниспровергнуть, храбрые люди сии положили непоколебимым законом — не иметь при себе не только жен, но даже чтобы ни одна женщина не переходила ворот их города. Но как и самые небольшие общества имеют нужду в ремеслах, рукодельях и искусствах разного рода, а посвятившие себя единственно военному делу люди неудобно и неохотно могут заниматься чем-нибудь другим, кроме оружия, то запорожские козаки дозволяют и козакам жениться и заниматься куплею и продажей нужных вещей, но с тем, чтобы таковые промышленники жили вне города Сечи в предместьях и на хуторах вместе с женами и детьми. Там дозволяется жить и торговать христианам всех исповеданий, магометанам разных поколений, жидам и язычникам. В приеме в козаки старшина совсем не заботится, кто из желающих сделаться запорожцами — какой веры, какой земли, звания, поведения; равным образом не выпрашивает, что принуждает кого, оставя отчизну, искать у них убежища <...> Но при вступлении в сие особенного рода общество, подобно как при посвящении в монашество, надобно оставить все прежние титулы и знаки отличия; там все равны: сегодня кошевой атаман или судья, а завтра простой козак; при принятии нового собрата ему дают прозвание, какое вздумается, бреют голову, оставляя один оселедец³, и сей профан в короткое время становится просвещенным в таинствах запорожских» [16; 138–140]. Судьба этой республики предreshена, ибо, по мнению ее атамана, досконально знающего установления и обычаи Запорожья, если уж «знатнейшие царства и республики пали в свое время, то как не последовать сего с Сечью запорожскою» [16; 178]. В почти одновременно изданной «малороссийской повести» Нарезного «Бурсак» Сечь названа «чудовищной столицей свободы, равенства и бесчиния всякого рода» (подобно революционному Парижу!), чьи обитатели имеют «высокое право похабничать, забиячить и даже разбойничать...» [15; 152]. По словам героя, попавшего сюда волею судьбы, вся эта «убийственная и даже бесчестная жизнь» ведет к «погибели» — и что «из Сечи останется? Кучи золы и громады черепов козацких», и обычные запорожцы, устав от преступлений, тоже считают такую жизнь «поганой... несравненно хуже цыганской» [15; 164–165].

Отчасти ту же интонацию позднее перенял Ф. Булгарин, сводя в романе о Самозванце разноречивые исторические свидетельства и пытаясь объективно показать жизнь запорожцев. Однако он не смог игнорировать общеизвестные героические черты этих бесстрашных воинов. Так получился и эклектический (что обычно для Булгарина), и недостоверный, уклончивый рассказ, полный противоречий. «Удивительное явление эта Сечь Запорожская!.. Трудно пове-

речь, чтоб какое-нибудь общество могло так долго существовать без письменных законов, без всяких основных правил гражданского порядка <...> запорожцы не хотели не только строить городов, но даже жениться, чтоб удобнее перенестись в другое место в случае опасности. Войско свое пополняют они не только пришельцами из Украины, с Дона и России, но всеми беглецами из Польши, Венгрии и земли Волошской (Молдавии. – В. Д.). Кроме того, они в набегах своих берут с собою детей мужеского пола и воспитывают их в войске. Таким образом поддерживается эта воинская республика, управляемая волею избираемого ими Кошевого атамана и старыми обычаями. В последствие времени многие ученые иноземцы, подвергнувшись в своем отечестве несчастиям или совершившие какое преступление, стали искать убежища в Сечи, но они не могли иметь никакого влияния на дикое устройство войска и зверские обычаи запорожцев. Напротив, кто желает остаться в Сечи, тот должен во всем сообразоваться с сими дикарями и покрывать знания свои оболочкой невежества. Это характер запорожцев: они должны казаться грубыми, несведущими, хотя между ними есть весьма много людей мудрых и ученых из поляков и немцев (по Булгарину, даже бывшие иезуиты. – В. Д.). Их кошевые атаманы, часто безграмотные, знают лучше дела и выгоды войска, нежели письменные войты и сенаторы» [4; 214, 217]. Недаром будущий Самозванец нашел приют на берегах Днепра: запорожцы принимают «всякого, кому Бог дал силу и смелость. Будь он поляк, татарин, волох, венгр или немец, лишь бы крестился в Русскую веру, 10 лет не женился да переправился в ладье через пороги <...> не терпят ни баб, ни латинов, ни панычей, ни каких неженков. ... Должно быть закаленным, как булат, на всякую беду и опасность <...> кто не бывал запорожским казаком, тот не бывал воином. ... Жизнь, что старый кафтан. Сбросил с плеч – легче!» [4; 202–205]. Соответствует этому и описание лагеря, куда прибывает герой: «В Сечи раздавался глухой шум от смешанных голосов тысяч 30 суровых воинов. Некоторые из них занимались приготовлением пищи или чисткою своего оружия, другие пили и ели в веселых кругах, иные, напившись допьяна, расхаживали с песнями. Во многих местах слышны были звуки бандуры и волынки. Беспечность, дикое веселие и излишество в употреблении пищи и крепких напитков заметны были во всех концах всего воинского поселения. Везде видны были кучи мяса и рыбы, бочки с вином и пивом и люди пресыщенные, которых все занятие состояло, казалось, в истреблении съестных припасов»; удивительно «только, что вино не рождало драк и ссор в этих диких толпах, а возбуждало одно веселие. Братство и дружба строго было соблюдаемо между запорож-

цами, и если б один осмелился обидеть другого, то нашел бы немедленно... противников, которые наказали бы его за нарушение равенства и доброго согласия» [4; 245, 256]. «... Казаки жертвуют жизнью, идут смело и охотно на все опасности, претерпевают недостатки, чтобы приобрести средства пожить несколько времени в совершенном изобилии или, лучше сказать, чтоб иметь в излишестве все, что услаждает грубую чувственность. Пока всего довольно, то казаки в Сечи проводят время в пиршествах, пьянстве и ходят в слободы наслаждаться любовными утехами. Когда же наступает недостаток в съестных припасах и крепких напитках, то они или начинают жить скромно, или снова отправляются на грабежи. ... Настоящая волчья жизнь <...> в Сечи добром называется то, от чего добрые люди в другом месте крестятся, а злом почитается то, в чем другие ищут спасения. Пить, бить, резать, грабить, не щадя своей жизни, называется... высочайшею добродетелью, а умеренность, сострадание, уважение чужой собственности и попечение о сохранении своей жизни... величайшими пороками. Вот запорожская нравственность» [4; 247–248].

Однако чуть позже в историческом романе «Мазепа» (1833–1834), верный официальной политике, Ф. В. Булгарин изменит тон, хотя и осудит «дикость Запорожья и Заднепроя (Левобережья. – В. Д.), где все достоинство человека представлялось в удалстве и наездничестве» [5; IV]. В обзоре истории Украины он торжественно объявит, что «бедствия, угнетавшие страну, не истребили в храбрых ее жителях духа народности, основанного на Православной Вере <...> Со времени первого нашествия татар на Южную Россию толпы отважных ее защитников, будучи не в силах спасти отечество и влекомые любовью к независимости и чувством народной самобытности, удалились в пустыни и на диких берегах Днепра... основали беспримерную до толе в мире, подвижную военную республику, получившую впоследствии название *Сечи Запорожской*. В течение нескольких столетий Сечь держалась и укреплялась новыми пришельцами из порабощенной родины и удалцами из соседних и дальних стран, сохраняя древние воинские обычаи предков. <...> Вольное Запорожье не признавало ничьей власти и ничьих прав в порабощенном отечестве и жестоко отмщало потомкам орд Батыевых и соотчикам польских вельмож за прошлые и настоящие бедствия Южной России, питая в жителях ее надежду к освобождению и поддерживая в народе воинственный дух. Надежда сия исполнилась, ибо основана была на справедливости» [5; 2–4].

В то же время менее чуткие авторы второго ряда продолжали ревностно обличать запорожцев. Так, студент Московского университета

П. И. Голота, приспособившая идею поэтической истории народа к пониманию полубразованного «среднего слоя» общества, написал три «исторических» малороссийских романа: «Иван Мазепа» (М., 1832), «Наливайко, или Времена бедствий Малороссии» (М., 1833) и «Хмельницкие» (М., 1834), где обрисовал запорожцев как свирепых, бесчеловечных разбойников-варваров, отверженных миром и потому, в свою очередь, всем мстящих (это мало чем отличалось от того, как зарубежные авторы и переводчики изображали «козацко-татарские шайки» в псевдоисто-

рических произведениях). Подобная обрисовка соответствовала традициям разбойничьего романа, о чем свидетельствует явная зависимость некоторых ситуаций в романах П. Голоты от сюжетных ходов в повести О. М. Сомова «Гайдамак» [17], где были описаны малороссийские разбойники XVIII века.

По-видимому, резкое неприятие Гоголем таких романов стало одной из причин художественного переосмысления писателем истории Малороссии, а затем и создания повести «Тарас Бульба» – о подвигах и славе козачества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в слове *козак* и производных от него, обозначавших, с точки зрения Гоголя, особую национально-историческую общность, сохранено написание черновых редакций, которое в печатных редакциях обычно исправляла цензура.

² В дальнейшем цитирую по изданию [6], указывая том римской, страницу арабской цифрой.

³ На макушке головы небольшой клочок волос во всю их длину, который завивается за ухо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: В 3 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1830. Ч. 2. 327 с.
2. Богдан Хмельницкий. Поэма в 6 песнях. СПб., 1833. 122 с.
3. Боплан Г. Л. Описание Украйны: Пер. с фр. СПб., 1832. 179 с.
4. Булгарин Ф. Димитрий Самозванец, исторический роман: В 4 ч. СПб., 1830. Ч. II. 301 с.
5. Булгарин Ф. Мазепа. СПб., 1833. Ч. I. 247 с.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. I. С. 222–223.
7. Денисов В. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя): Монография. СПб.: Изд-во РГТМУ, 2006. 275 с.
8. <Измайлов В.> Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных В. Измайловым: В 4 ч. М., 1802. Ч. 4. 204 с.
9. Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 12 т. Т. V. М.: Наука, 1993. 555 с.
10. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъяснением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших Гетманов, Генеральных Старшин, Полковников и Иерархов; також Землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана В. Г. Рубаном. СПб., 1777. 475 с.
11. Кулжинский И. Малороссийская деревня. М., 1827. 136 с.
12. <Максимович М. А.> Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. 180 с.
13. Маркевич Н. Украинские мелодии. М., 1831. 155 с.
14. Маркович Я. Записки о Малороссии, ее жителей и произведениях. СПб., 1798. Ч. 1. 102 с.
15. Нарезный В. Бурсак. Малороссийская повесть: В 4 ч. Ч. 3. М., 1824. 207 с.
16. Нарезный В. Запорожец // Новые повести Василия Нарезного. СПб., 1824. Ч. 3. 188 с.
17. <Сомов О. М.> Порфирий Байский. Гайдамак. Малороссийская быль // Невский альманах на 1827 год. СПб., 1826. С. 242–286.
18. Срезневский И. И. Запорожская старина. Харьков, 1833. Ч. I. Кн. 1–2. 272 с.
19. <Шепер Ж.-Б.> Annales de la Petite-Russie, ou L’Historire des Casaques Saporogues et les Casaques de l’Ukraine. Paris, 1788. 411s.